(Арман Комаров, Нерчь и заречь. Стихотворения. – М., ЛитГОСТ, 2022. – 48 с.)

Известный критик Ольга Балла отозвалась об Армане Комарове как о поэте, «тончайше чувствующем органику и пластику языка». Небольшая книжечка молодого поэта убедительно доказывает этот тезис одним уже названием. «Нерчь и з*а*речь» – нечто противостоящее языку в его традиционной, номинативной и грамматикализующей функции, сводящее любое речеговорение к шаманизму, камланию, бессвязному бормотанию.

Слово, когда оно ещё не является словом (не-речь), либо перестаёт быть таковым, превратившись в за-речь, обладает мощным энергетическим потенциалом, способностью к бесконечному продуцированию миров, а точнее мира единого и протяжённого в своей недискретности и взаимосвязанности всего со всем. Этот первобытный синкретизм, возвращающий читателя к истокам цивилизации, является и ключевым образом, и принципом композиционной организации, и главной темой книги Армана Комарова.

Как опытный хирург, расщепляющий больные волокна и ткани, сохраняет при этом целостность анатомического строения тела, так и автор книги «Нерчь и з*а*речь», бесконечно экспериментируя с языковой формой, дробя слова на звукосочетания, либо наоборот стягивая фразу в единый и необычный звукокомплекс, не наносит вреда всему речевому организму – напротив, он вдыхает в него новую жизнь, возвращая омертвевшие имена и понятия к их первоисточнику – «исходной тьме первоназваний», выражаясь словами Ольги Баллы. Поиск звуковых первоначал в магическом, заворожённом лесу значений и смыслов – сюжет книги, удивительно цельной по своему замыслу:

За тридевять далей манит меня луна,
Вынимая из памяти имена,
В чёрные пряди мои серебро вплетая,
Как печаль в мою грудь – в небеса влитая.
Странный зов во снах холодит мне плечи –
Трепет невнятной, полузабытой речи.

Ключевая тема задана, путешествие началось, и читатель не успокоится, пока не пройдёт вместе с автором путь обретения речи и смысла в их глобальном, надмирном воплощении. Если внимательно изучить все разделы книги – «Трепет речи», «Успеть сказать», «Золото нречи», «Ханаанские воды» – становится очевидной логика движения лирического героя, чей путь включен в контекст культурной мифологемы, воспроизводящей в своих узловых моментах духовную историю человечества и неотделимую от личной истории самого автора. Стихи книги не должны читаться в произвольном порядке, поскольку это – «роман в стихах», продуманный от первого до последнего пункта сюжет о паломнике, идущем «от смерти к лесу», пробирающемся «по слову, по звуку» «из снега в снег, из леса в лес, да в лес». В пути этом угадывается поступь средневекового Данте, заблудившегося в лесу грехов, или языческого князя Игоря, который и в своём дерзком поступке не утратил первозданной, тотемной связи с природным и растительным миром.

Думается, что сюжет «Нерчи и З*а*речи» отчасти воспроизводит каноническую модель средневекового текста в сочетании с романом-травелогом, где всегда присутствует мотив дороги, в её не столько географическом, сколько эзотерическом воплощении. Мы не оговорились, говоря о сюжете применительно к сборнику стихов – он здесь присутствует со всей очевидностью, и композиционная структура достаточно чётко выдержана. Здесь есть завязка, кульминация и развязка – конечный пункт духовного путешествия. Нерчь-З*а*речь – это направление маршрута лирического героя, бегущего, подобно Данте, из «сумрачного леса» словесных заблуждений в лес обретённых заново смыслов и далее – за речь, как за реку. То есть по ту сторону речи. Чтобы совершить этот путь, герой погружает себя в состояние транса, вещего сна, отрешается от собственного «я», пробуждая в себе надмирное, надличностное, универсальное начало:

О, как уйти от смерти к лесу?
И видеть сны, писать слова,
Чтоб, выше кедров, муть-завесу
Пробила Бога голова.

Вполне органичными кажутся здесь и отсыл к Мандельштаму *(Отравлен хлеб и воздух выпит)*, и упоминание строк поэта-современника Михаила Рантовича *(Жизнь коротка, длинна дорога…)*. Арман Комаров открыт любому культурному влиянию, откуда бы ни произрастал этот источник. Его художественное сознание лишено конкретных пространственно-временных координат и обретает себя в категориях вечности. Исключительно важно, что постепенное «перемещение» художественного повествования в зону сакральных смыслов, приближение к заветной цели у автора «Нерчи и з*а*речи» воплощено именно на языковом уровне. С каждым новым «шагом» героя речь становится всё менее внятной, грамматически протяжённой и оформленной – ей на смену приходит неподдающийся традиционной логике шаманский гул, язык мистических заклинаний и, в итоге, лепет младенческой речи – голос человечества на заре его цивилизации. В этом смысле автор перенимает традицию будетлян и дадаистов, но его цель – продемонстрировать не абсурд и деградацию языка, а изначально ему присущее, стихийное природное начало:

Заучить пустоту
Свою ли? Его ли? Ту?
От боли найти бы гу…
Б-бы – гул:
Агу-агу, Богу, багу-
Льника лик
Льнул, но сник.

Созданный автором «новояз», где приём умолчания и многочисленные неологизмы лишний раз подчёркивают идею заведомой непроговариваемости, неосознаваемости сакрального, превращает объекты в точки пространственной ориентации, «кирпичики» дихотомически выстроенного мироздания. Здесь город – профанный низ, а то, что находится за его пределами – иная явь, мир в его цельности и неделимости, некогда утраченных людьми:

Перетечь слезой в мокрый снег дорог,
Город-ад широк, но над нами Бо…
Замолчать – молчу,
Не теперь в слова.
Кругопад – лечу,
Снеговерть – нова.
Любовзтом сне – явь иная снит…
Там песок воды – не в реке шумит.

Главным объектом духовного поиска лирического героя Армана Комарова и конечным пунктом духовного странствия становится Ханаан, что абсолютно не случайно. Это одна из модификаций земли обетованной. «Земля Ханаанская» – одно из тех словосочетаний, что часто встречаются в Священном Писании. Там сказано, что Бог Яхве обещал её «в удел» сынам Израилевым. Но в рамках авторского художественного замысла особенно значим тот факт, что именно Ханаан является родиной алфавита, который произошёл от протосинайского письма и впоследствии стал основой греческой и латинской письменности. Это – колыбель цивилизации и языка, собственно тот протоязык, который сродни и «лепету птичьему», и лесному шуму, и первородному молчанию:

вот по реке плывёт пророков кит
и ивы натянули тетиву
и всё как в первый день молчит
и как в шестой из камня человечество зовут
вскипают воды ханаана
готовясь к речи обращаясь в речь

в живое слово слишком рано
в иное море перетечь

Так герой, «серый схимник в сонном лесу междометий», превращается в подлинного творца, обретая себя там, где рождается речь, где можно самому обратиться в речь, в стихийное явление, *«ветром стать или стать ручьём, в Ладогу впасть», «из сонной лебеды выползти в себя»*.

Конечно, Арман Комаров совсем не одинок в своём повиновении «странному зову невнятной, полузабытой речи» – до него на этот зов устремлялись и Цветаева, и Блок, и Мандельштам, и ранее живущие Пушкин и Лермонтов. Но вслед за Юрием Казариным согласимся с тем, что книга «Нерчь и З*а*речь» содержит *«наиважнейшие качества, свойства и признаки поэзии»*, среди которых самые главные – *«новизна и свой индивидуально-авторский язык»*. Без них путь к Заречи был бы поэту заказан:

я буду петь и говорить пока ты
со вдовьим нет не свыкнешься со мной
ну а сейчас луна горда перед восходом
так любит нас так раны бередит
звенит и слёзы превращает в воды
годов где Пушкин не убит